

Сюзен Элизабет
Филлипс

Помечтай немножко

*Наконец-то она нашла
свой клад – своё счастье...*

Сьюзен Элизабет Филлипс
Помечтай немножко
Серия «Звезды Чикаго», книга 4

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125310
Филлипс, Сьюзен Элизабет Помечтай немножко : [роман] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085069-3

Аннотация

В маленьком городке Солвейшн кипят большие страсти. Здесь женщины ухитряются влюбляться в самых непредсказуемых мужчин, а мужчины – в совершенно неподходящих женщин... Здесь суровый, ожесточившийся владелец ранчо, как мальчишка, мечтает о любви молоденькой вдовы известного мошенника – и не только мечтает, но и действует... Здесь красавица прихожанка воплощает в жизнь хитроумный план покорения обаятельного пастора... Здесь страдают и надеются, ревнуют и прощают. Здесь у каждого своя тропинка к счастью...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	49
Глава 8	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сьюзен Элизабет Филипс

Помечтай немножко

Susan Elizabeth Phillips

DREAM A LITTLE DREAM

© Susan Elizabeth Phillips, 1998

© Перевод. А.А. Загорский, 1999

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Глава 1

Счастье окончательно отвернулось от Рэчел Стоун перед кинотеатром с помпезным названием «Гордость Каролины». Тут можно было смотреть фильмы, не выходя из автомобиля, прямо на проходящем мимо кинотеатра двухрядном асфальтированном шоссе, воздух над которым дрожал от июньского зноя. Именно здесь ее старый «шевроле-импала» испустил дух.

Почувяв неладное, она едва успела вырулить на обочину. Из-под капота повалили клубы черного дыма, которые сразу же заволокли лобовое стекло. Машина «издохла» напротив красно-желтой вывески кинотеатра, на которой было изображено что-то, отдаленно напоминающее взорвавшуюся звезду.

Этот удар судьбы совсем сломил Рэчел. Сложив руки на руле, она уронила на них голову, не в силах больше бороться с отчаянием. Несчастья гнались за ней по пятам вот уже три года. Здесь, в штате Северная Каролина, на двухрядном шоссе, неподалеку от небольшого городка, она достигла конца пути, ведущего в ад.

– Мама?

Рэчел вытерла слезы ладонью и подняла голову.

– Я думала, ты спишь, милый.

– Я спал, но меня разбудил какой-то страшный звук.

Обернувшись, Рэчел посмотрела на сына, которому недавно исполнилось пять лет, и сердце ее зануло от любви к нему. Он сидел на заднем сиденье, заваленный свертками и коробками, в которых находились все их нехитрые пожитки. Багажник «импалы» был пуст по той простой причине, что несколько лет назад он был помят во время аварии и не открывался.

Щека Эдварда, на которой он лежал, припухла и покраснела, светло-каштановые волосы мальчика растрепались и стояли торчком на макушке. Он был очень мал для своего возраста, слишком худ да еще и бледен после перенесенной недавно пневмонии, которая его едва не убила. Сейчас он смотрел спокойными карими глазами на Хорса, потрепанного, вислоухого плюшевого кролика, с которым не расставался с тех самых пор, когда еще только учился ходить.

– Опять что-нибудь случилось? – спросил малыш.

Рэчел с трудом сложила онемевшие губы в подобие ободряющей улыбки.

– Всего-навсего небольшая неприятность с машиной.

– А мы не умрем?

– Нет, милый, конечно же, нет. Я думаю, тебе сейчас лучше выйти из машины и размять ноги, а я тем временем погляжу, в чем проблема. Только смотри, не выходи на дорогу.

Зажав в зубах ухо плюшевого кролика, мальчик стал перелезать через корзину из прачечной, наполненную спортивной одеждой, приобретенной на распродаже подержанных товаров, и старыми полотенцами. Его ноги походили на палочки, соединенные довольно большими коленными суставами. Сзади на его шейке сидело небольшое родимое пятно лилового цвета: это было одно из тех местечек на теле сына, которые Рэчел особенно любила целовать. Наклонившись, она помогла Эдварду открыть дверь, что действовала немногим лучше багажника.

«А мы не умрем?» Сколько раз сын задавал ей этот вопрос? Эдвард был от рождения довольно робким ребенком, но в последнее время он стал еще более запуганным и не по годам осторожным. Рэчел подумала, что он, наверное, голоден. Последний раз она кормила его четыре часа назад. Но в кошельке у Рэчел оставалось девять долларов с мелочью. Всего девять долларов и немножко мелочи отделяли ее от пропасти.

Взглянув на себя в зеркало заднего вида, она вспомнила, что когда-то ее считали хорошенькой. Теперь две резкие морщины сбегали от носа к губам, сетка морщинок окружала зеленые глаза. Бледная кожа так обтянула скулы, что, казалось, вот-вот лопнет. У Рэчел не было денег на посещение салонов красоты, и ее золотисто-рыжие волосы лежали на плечах неухоженной сбитой копной. Единственным косметическим средством был лежавший на дне ее сумочки цилиндрок с помадой кофейного цвета. Хотя Рэчел было всего двадцать семь лет, она чувствовала себя старухой.

Она окинула взглядом свое синее платье с короткими рукавами, висевшее на ее исхудавших плечах, словно на вешалке. Оно было линялое, явно велико, и вдобавок ко всему ей пришлось заменить одну из оторвавшихся красных пуговиц другой – коричневого цвета.

Рэчел открыла протестующе взвизгнувшую дверцу машины и ступила на асфальт. В ту же секунду она почувствовала, как жар от раскаленного дорожного покрытия проникает сквозь тонкие, словно картон, подошвы ее белых сандалий и жжет ноги. На одной из сандалий лопнул ремешок, и Рэчел, как могла, сшила его, но на месте шва образовалось утолщение, из-за которого она стерла себе большой палец на ноге. Впрочем, боль в пальце была просто мелочью по сравнению с теми страданиями, которые ей приходилось испытывать в постоянной борьбе за выживание.

Мимо, даже не притормозив, пронесся пикап, обдав ее воздушной волной. Волосы облепили лицо Рэчел, и она рукой отбросила назад спутанные пряди, прикрывая ладонью глаза от поднятой пикапом пыли. Взглянув на Эдварда, она увидела, что мальчик стоит у обрамляющих шоссе кустов, зажав под мышкой кролика, и, задрав голову, разглядывает красно-желтую вывеску кинотеатра.

Рэчел обреченно подняла капот и отпрянула назад: в лицо ей ударила струя черного дыма. Механик в Норфолке предупреждал ее, что двигателю «шевроле» вот-вот придет конец, и она знала: мотор действительно барахлит, а неисправность слишком серьезна, чтобы ее можно было устранить с помощью изоляционной ленты или замены какой-нибудь изношенной детали на чуть менее изношенную.

Рэчел потерянно опустила голову: она разом лишилась и машины, и дома, поскольку в течение последней недели они с Эдвардом не только передвигались на «импале», но и жили в ней.

Присев на корточки, она попыталась примириться с очередной бедой из нескончаемой череды несчастий, которые заставили ее вернуться в этот городишко, хотя она поклялась, что ноги ее больше тут не будет.

– А ну-ка, паренек, проваливай оттуда, – донесся до нее чей-то грубый мужской голос.

Рэчел резко встала. От этого у нее закружилась голова и потемнело в глазах. Она вынуждена была опереться руками на капот, чтобы не упасть. Когда в глазах у нее немного прояснилось, она увидела, что к Эдварду, застывшему на месте от ужаса, с грозным видом приближается незнакомец в джинсах и линялой голубой рубашке. Зеркальные очки защищали от солнца глаза незнакомца.

Рэчел рванулась с места, огибая машину сзади. Она так торопилась, что едва не упала. Мужчина вплотную подошел к ее сыну. Мальчик, по всей видимости, был настолько напуган, что просто не мог сдвинуться с места. Рэчел увидела, как незнакомец протянул руку, чтобы схватить его.

– А ну не трогай его, сукин ты сын! – крикнула она.

Рука мужчины опустилась.

– Это ваш ребенок?

– Да, мой. Отойдите от него сейчас же.

– Он отливал на мои кусты, – сказал мужчина. В его речи ясно слышался местный акцент, но при этом он говорил совершенно бесстрастно. – Заберите его отсюда.

Тут только Рэчел заметила, что джинсы у Эдварда расстегнуты. От этого и без того вызывающий жалость своим видом мальчик выглядел еще более беззащитным.

Незнакомец был высоким и поджарым, с темными волосами и слегка опущенными вниз уголками рта. Лицо у него было узкое и длинное. Пожалуй, его можно было бы назвать симпатичным, если бы не резко очерченные скулы, которые придавали ему некоторую свирепость. На какое-то мгновение она почувствовала радость оттого, что на нем зеркальные очки. Что-то подсказало ей, что взгляд его глаз был бы ей тоже неприятен.

Рэчел охватила руками Эдварда и прижала к себе. Она решила не уступать незнакомцу.

– А что, эти кусты ваши персональные? Здесь только вам можно справлять свои дела? Может, вся проблема в том, что вы сами хотели в них отлить?

– Эта земля принадлежит мне, так что проваливайте, – сказал мужчина, почти не шевеля губами.

– Я бы с удовольствием, но у моей машины на этот счет свои идеи.

Владелец кинотеатра для автомобилистов без всякого интереса взглянул на неподвижный «шевроле-импала».

– В билетной кассе есть телефон, – процедил он. – Там же вы найдете номер гаража Дили. Пока будете ждать буксир, оставайтесь за пределами моих владений.

С этими словами мужчина повернулся и зашагал прочь. Только когда он скрылся за деревьями, росшими вдоль фундамента, на котором был смонтирован огромный экран, Рэчел разжала объятия и отпустила сына.

– Все в порядке, дорогой, – сказала она. – Не обращай на него внимания. Ты не сделал ничего плохого.

Лицо Эдварда было бледным, нижняя губа у него дрожала.

– Он меня и-напугал, – с трудом выдавил мальчик.

Рэчел причесала пальцами светло-каштановые волосы сына, убрала их со лба, разгладила вихры на макушке.

– Я понимаю. Вообще-то он просто придурок, но я решила на всякий случай вмешаться.

– Ты же мне запретила говорить «придурок».

– Ну, в данном случае у нас есть смягчающие обстоятельства.

– А что это значит? Какие еще обстоятельства?

– В данном случае это значит, что он на самом деле придурок.

– А-а.

Рэчел взглянула в сторону маленькой деревянной будочки, в которой находилась касса и где, по словам мужчины, был телефон. Будочку недавно выкрасили в горчичный и пурпурный цвета, точно такие же, в какие была окрашена вывеска кинотеатра. Однако, несмотря на то что это небольшое строение имело весьма гостеприимный вид, Рэчел так и не тронулась с места. У нее не было денег ни для оплаты услуг буксировщика, ни на ремонт, а ее кредитные карточки давным-давно аннулированы. Не желая, чтобы Эдвард вторично столкнулся с противным владельцем кинотеатра, она потащила мальчика за руку в сторону шоссе.

– От долгого сидения в машине у меня затекли ноги, так что я бы с удовольствием немного прошлась пешком, – сказала она. – А ты?

– Ладно.

Идя следом за матерью, мальчик шаркал ногами, обутыми в тапочки на резиновой подошве. Заметив это, Рэчел поняла, что он все еще не оправился от испуга.

Сунув руку в открытое окно машины, она вынула из салона голубой пластиковый термос и последний усохший апельсин и повела мальчика дальше к шоссе, в очередной раз ругая себя за то, что не уступила домогательствам Клайда Роша, который еще шесть дней

назад был ее начальником. Вместо того чтобы позволить ему получить то, чего он добивался, она ударила его по лицу, схватила в охапку Эдварда и навсегда покинула Ричмонд.

Если бы она согласилась лечь в постель с Рошем, они с Эдвардом жили бы сейчас совершенно бесплатно в одном из номеров мотеля, который принадлежал ее бывшему боссу. Она работала у него горничной. Почему она не закрыла глаза и не позволила ему сделать с собой то, чего ему хотелось?

Ей удалось доехать до Норфолка, где она израсходовала слишком много из своего небольшого запаса наличных на починку водяной помпы «импалы». Рэчел знала, что в ее положении многие другие женщины обратились бы в органы социального обеспечения. Но для нее социальное пособие не было выходом из положения. Два года назад, когда они с Эдвардом жили в Балтиморе, Рэчел была вынуждена попросить помощи в государственных органах и была поражена тем, что сотрудница, с которой ей пришлось иметь дело, усомнилась в ее способности содержать Эдварда и ухаживать за ним должным образом. Чиновница даже упомянула о том, что Эдварда могут взять на воспитание в приют, пока она не встанет на ноги. Вероятно, эта женщина желала и матери и сыну добра, но ее слова ужаснули Рэчел: до того момента ей никогда не приходило в голову, что кто-то может попытаться отнять у нее ее мальчика. Выйдя на улицу, она вместе с Эдвардом в тот же день уехала из Балтимора и поклялась никогда больше и близко не подходить к государственным учреждениям.

С тех самых пор она, чтобы прокормить себя и сына, работала одновременно на нескольких работах за минимальную плату. Денег хватало лишь на то, чтобы у них с Эдвардом была хоть какая-то крыша над головой. Ей не удавалось отложить ни цента, и следовательно, нечего было и мечтать скопить денег. Остаток заработанных Рэчел жалких средств уходил на борьбу за то, чтобы хоть как-то обеспечить более или менее приличное существование ребенку. И все-таки она не могла быть за него спокойна. Одна из нанятых нянь не занималась Эдвардом, в результате чего мальчик целыми днями сидел перед телевизором. Другая в один прекрасный день ушла куда-то, оставив ребенка на попечение своего друга. А потом случилась беда: Эдвард заболел пневмонией.

К тому времени, когда его выписали из больницы, Рэчел уволили из закусочной, где она тогда работала, за прогулы. Расходы на лечение Эдварда съели все средства, которыми она располагала, включая ее ничтожные сбережения. Мало того, она получила из больницы дополнительный счет, где была проставлена сумма, выплатить которую она была просто не в состоянии. Почти одновременно пришло и уведомление о том, что ее выселят из ее крохотной обшарпанной квартирки, если она в ближайшее время не ликвидирует долги по аренде.

Рэчел умоляла Клайда Роша, чтобы он позволил ей бесплатно пожить в одной из самых маленьких комнаток мотеля, обещая в обмен работать за двоих. Хозяин мотеля, однако, требовал большего, а именно секса по первому требованию. Получив отказ, он попытался добиться своего силой, и тогда она ударила его по голове телефонным аппаратом, стоявшим на столе в конторе.

Она хорошо помнила его лицо со стекающей по щеке струйкой крови, его полные лютой ненависти глаза и то, как он пригрозил ей, что добьется, чтобы ее арестовали за нанесение телесных повреждений, злобно процедив на прощание: «Посмотрим, как ты станешь заботиться о своем щенке, когда окажешься в тюрьме!»

Теперь Рэчел ругала себя последними словами за то, что повела себя так глупо и отказала Рошу. У нее был сильный характер, и она смогла бы это пережить. С незапамятных времен женщины, находясь в отчаянном положении, выходили из него, расплачиваясь своим телом, и теперь Рэчел с трудом верилось, что когда-то она осуждала их за это.

Она уселась на землю в тени большого конского каштана, усадила Эдварда рядом с собой и, отвинтив крышку термоса, протянула его сыну. Очищая последний апельсин, она, не в силах больше бороться с искушением, подняла глаза и посмотрела в сторону гор.

Солнечные блики играли на стеклянной стене знакомого ей здания, подтверждая, что городской храм все еще стоит на месте, хотя до нее доходили слухи, что теперь строение, в котором он располагался, принадлежит фабрике, производящей коробки из гофрированного картона. Пять лет назад храм был штаб-квартирой и студией Дуэйна Сноупса, одного из самых богатых и известных телепроповедников страны. Рэчел тряхнула головой, отгоняя неприятные воспоминания.

Пока мальчик дожевывал последнюю дольку, блуждающий взгляд его матери внезапно наткнулся на объявление, висящее на парусиновой стене шатра придорожного кинотеатра:

**МЫ СКОРО СНОВА ОТКРЫВАЕМСЯ.
СРОЧНО НУЖНЫ РАБОЧИЕ РУКИ!**

Рэчел сразу же насторожилась. Почему она не заметила объявления раньше? Возможно, здесь ей удастся найти работу! Может быть, судьба наконец повернется к ней лицом?

Рэчел противно было даже думать о мрачном хозяине кинотеатра, но выбора не было. Она уже много лет была лишена возможности выбирать работодателей. Не отрывая глаз от объявления, она похлопала Эдварда по теплой, нагретой солнцем коленке.

– Милый, мне нужно сходить и еще раз поговорить с тем человеком.

– Не надо, мама.

Рэчел заглянула в маленькое встревоженное лицо сына.

– Он всего лишь большой болван. Не бойся, я смогу разделаться с ним одной правой.

– Не ходи туда.

– Я должна идти, мопсик. Мне нужна работа.

Мальчик не стал больше спорить, но тут перед Рэчел встала другая проблема: где оставить сына, пока она будет разыскивать хозяина кинотеатра? Оставаясь один, Эдвард обычно сидел на месте и поджидал ее, и у Рэчел мелькнула мысль, что лучше всего, если бы он подождал ее в машине. Но «шевроле» был припаркован слишком близко к дороге, и она решила, что лучше все же взять сына с собой.

Ободряюще улыбнувшись мальчику, Рэчел потянула его за руку, помогая подняться на ноги. Возвращаясь к кинотеатру, она не стала молиться, чтобы Бог послал ей помощь. Она давно уже перестала молиться. Отпущенный ей лимит веры был давным-давно исчерпан по милости проповедника Дуэйна Сноупса. Шагая рядом с сыном к будочке кассы, Рэчел почувствовала, как зашитый ремешок сандалии больно впивается в ее большой палец.

Кинотеатр «Гордость Каролины», судя по всему, был построен несколько десятков лет назад и в течение последнего десятилетия не функционировал. Теперь, похоже, заведение переживало период возрождения из небытия. Но все же сразу было видно, что для его нормальной работы предстоит сделать еще очень многое.

Экран уже отремонтировали, но вокруг него все заросло сорняками. В центре пространства, представлявшего собой зрительный зал, Рэчел увидела небольшое двухэтажное здание из бетонных блоков – там, должно быть, раньше помещались проекционная и закулочная. Когда-то стены здания были выкрашены в белый цвет, но теперь их покрывали потеки грязи и пятна плесени. Из широко открытых дверей доносился тяжелый рок.

Неподалеку от экрана располагалась убогая детская игровая площадка с пустой песочницей и полудюжиной пластиковых дельфинов на пружинах. Дельфины когда-то были ярко-голубыми, но с годами выцвели и стали белесыми. На площадке Рэчел разглядела остатки лесенок для лазанья, сломанную карусель и бетонную черепаху. Довольно жалкий набор развлечений для детишек...

– Эдвард, пока я буду говорить с тем человеком, походи поиграй на черепахе. Я скоро вернусь, – сказала Рэчел.

Мальчик молча смотрел на нее умоляющими глазами, ему явно не хотелось оставаться одному. Однако у Рэчел не было выбора, и потому она лишь еще раз улыбнулась ему и сделала рукой жест в сторону игровой площадки.

Другой ребенок на месте Эдварда вполне мог бы закатить истерику, но жизнь отучила сына Рэчел капризничать. Вместо того чтобы заплакать, он потеревил нижнюю губу и наклонил голову. При виде этой покорности сердце Рэчел не выдержало.

– Ну ладно, – сказала она. – Можешь пойти со мной и подождать за дверью.

Пока они шли к бетонному зданию, маленькие пальцы мальчика крепко цеплялись за руку матери. Рэчел чувствовала, как солнце жжет ее голову, а при каждом вдохе легкие ее наполняются пылью. Доносящаяся из бетонной коробки назойливая музыка стала слышна более отчетливо.

Подойдя к двери здания, она отпустила руку сына и некоторое время стояла, прислушиваясь к завыванию гитар и грохоту ударных инструментов.

– Оставайся здесь, мопсик, – сказала Рэчел.

Мальчик крепко ухватился за ее юбку, но она, ободряюще улыбнувшись, осторожно разжала его пальцы и вошла внутрь.

В закуской уже установили новую стойку и кухонное оборудование, но бетонные стены все еще были облеплены плакатами и рекламными наклейками десятилетней давности. На стойке рядом с нераспечатанным пакетом картофельных чипсов и завернутым в целлофан сэндвичем Рэчел увидела зеркальные очки.

Хозяин кинотеатра, забравшись на стремянку, прикреплял к потолку неоновые трубки, которые должны были стать частью светящейся надписи. Стоя к ней спиной, он не сразу ее заметил, что дало Рэчел возможность разглядеть его чуть лучше, чем при первой встрече.

Она увидела заляпанные краской коричневые сапоги и потертые джинсы, плотно обтягивающие длинные сильные ноги. У хозяина были узкие бедра, а на его спине, когда он орудовал отверткой, отчетливо проступали бугры мышц. Закатанные рукава рубашки позволяли видеть загорелые предплечья, крепкие запястья и широкие кисти с удивительно тонкими пальцами. Не слишком аккуратно подстриженные темно-каштановые волосы сзади частично закрывали воротник. Волосы были прямые, кое-где чуть тронутые сединой, хотя на вид мужчине вряд ли можно было дать больше тридцати пяти лет.

Подойдя к приемнику, Рэчел убавила громкость. Человек с более слабыми, чем у хозяина, нервами в такой ситуации вполне мог выронить отвертку или издать удивленный возглас, но стоящий на стремянке человек не сделал ни того ни другого. Он просто повернул голову и посмотрел на Рэчел.

Взглянув в его светлые глаза, она пожалела о том, что он снял очки. Взгляд у мужчины был тяжелый и какой-то неживой.

– Что вам нужно?

От холодной, совершенно бесстрастной интонации, с которой были произнесены эти слова, по спине у Рэчел побежали мурашки, но она сделала над собой усилие и растянула губы в беззаботной улыбке.

– Мне тоже приятно с вами познакомиться. Меня зовут Рэчел Стоун. Тот пятилетний мальчик, на которого вы кричали, – мой сын Эдвард, а его плюшевого кролика зовут Хорс, и не спрашивайте почему.

Если у Рэчел и была слабая надежда вызвать у мужчины улыбку, то после этой попытки она исчезла без следа.

– Кажется, я ясно вам сказал, чтобы вы держались подальше от моих владений.

Все в этом человеке вызывало у Рэчел безотчетное раздражение, но она изо всех сил пыталась скрыть неприязнь, изобразив на лице невинное недоумение.

– Разве? Наверное, я об этом просто забыла.

– Послушайте, леди...

– Рэчел. Или миссис Стоун, если вы предпочитаете обращаться ко мне официально. Похоже, сегодня у вас удачный день. На ваше счастье, я довольно отходчива. Так когда мне приступать?

– О чем это вы?

– Я о вашем объявлении. Я как раз и есть те самые рабочие руки, которые вам требуются. Мне кажется, что первым делом надо срочно привести в порядок игровую площадку. Вы знаете, что из-за сломанного оборудования, которое там установлено, вас могут засудить?

– Я не собираюсь вас нанимать.

– Еще как собираетесь.

– Это еще почему? – спросил мужчина без всякого интереса.

– Потому что вы умный человек. Это совершенно очевидно. А любой умный человек в состоянии понять, что я отличный работник.

– Мне нужен мужчина.

– Мужчина всем нужен, – сладко улыбаясь, сказала Рэчел.

Грубая лесть, к которой она прибегла, нисколько не развеселила хозяина, но, похоже, не вызвала у него и раздражения. По-видимому, ему вообще были чужды какие-либо эмоции.

– Если я кого-нибудь и найму, то только мужчину.

– Ладно, я готова сделать вид, что я этого не слышала: как-никак половая дискриминация в этой стране является нарушением закона.

– Можете подать на меня в суд.

Любая другая женщина сдалась бы, но у Рэчел в кошельке было меньше десяти долларов, сын был голоден, а ее машина сломалась.

– Вы делаете большую ошибку. Не наняв меня, вы упускаете шанс, который представляется не каждый день.

– Не знаю, как мне еще вам сказать, чтобы вы поняли, леди. Я не собираюсь вас нанимать, – сказал мужчина, положил на стойку отвертку, полез в задний карман и извлек оттуда бумажник, погнувшийся оттого, что долго пролежал в тесных джинсах. – Вот вам двадцать долларов. Берите и выметайтесь отсюда.

Рэчел были очень нужны эти двадцать долларов, но еще больше ей была нужна работа, и потому она отрицательно покачала головой:

– Милостыня мне ни к чему, мистер Рокфеллер. Я хочу получить постоянную работу.

– Поищите ее где-нибудь в другом месте. Мне нужен человек, который в состоянии заниматься тяжелым физическим трудом. Здесь все надо вычистить, покрасить, починить крышу, а для этого требуется мужчина.

– Я гораздо сильнее, чем может показаться на вид, и буду работать так усердно, как ни один мужчина на свете. Кроме того, я могу оказать вам психиатрическую помощь для разрешения ваших проблем.

Едва произнеся последнюю фразу, Рэчел тут же пожалела об этом, потому что выражение лица мужчины стало еще более пустым и безжизненным.

– Вам когда-нибудь говорили, что у вас слишком длинный язык? – спросил мужчина, почти не шевеля губами, и Рэчел подумала, что ему, наверное, здорово досталось от жизни.

– Он вполне соответствует моим мозгам.

– Мама?

Владелец кинотеатра замер в напряженной позе. Рэчел повернула голову и увидела в дверном проеме Эдварда. Лицо мальчика сморщилось от страха и волнения.

– Мама, я хочу тебя кое о чем спросить, – сказал он, глядя при этом на мужчину.

– Что случилось?

– Ты уверена, что мы не умрем? – спросил мальчик шепотом, однако, увы, достаточно громко, так что хозяин кинотеатра мог отчетливо слышать каждое его слово.

Сердце Рэчел дрогнуло.

– Да, я уверена, – сказала она и мысленно обругала себя за то, что пустилась в это рискованное путешествие в никуда. На что они с сыном будут жить, если она даже не знает, чего хочет от жизни? Никто из тех людей, кто ее знал, не дал бы ей работы, а это означало, что она могла рассчитывать на успех, лишь обратившись к кому-нибудь, кто приехал сюда недавно. Таким образом, получалось, что владелец кинотеатра «Гордость Каролины» в этом смысле вполне ей подходил.

Мужчина тем временем подошел к старому черному телефонному аппарату, укрепленному на стене. Обернувшись, чтобы посмотреть, что он собирается делать, Рэчел увидела на стене выцветшую листовку, с которой на нее смотрело не лишнее приятности лицо покойного телепроповедника Дуэйна Сноупса. По нижнему краю листовки шла надпись:

«Присоединяйтесь к нам, верующим из храма города Солвейшн. Мы – глашатаи воли Господней для всего остального мира!»

– Дили, это Гейб Боннер. Тут у одной женщины машина сломалась, и ей нужен буксировщик.

Рэчел насторожилась. Во-первых, ей вовсе не требовался буксировщик. Во-вторых, она не могла не обратить внимания на имя и фамилию мужчины – Гейб Боннер. Интересно, подумала она, с какой стати член одной из наиболее известных в городе семей вдруг стал владельцем придорожного кинотеатра?

Насколько она помнила, в семье Боннер было трое братьев, но на ее памяти в Солвейшн жил только самый младший из них, преподобный Этан Боннер. Кэл, старший из братьев, был профессиональным футболистом. Рэчел знала, что он частенько приезжал в Солвейшн, но она его ни разу не видела, хотя и знала, как он выглядит, благодаря фотографиям в газетах. Их отец, доктор Джим Боннер, был самым уважаемым в округе врачом, а их мать, Линн, была заметной фигурой в местном общественном движении. Рэчел крепче сжала плечо Эдварда. Она снова вернулась в стан своих врагов...

– ...а потом пришли счет мне, – продолжал тем временем говорить Гейб Боннер. – Да, и еще, Дили, отвези эту женщину и ее сына к Этану и попроси его устроить их на ночлег.

Перебросившись с неизвестным ей Дили еще несколькими фразами, он повесил трубку и снова повернулся к Рэчел:

– Подождите где-нибудь около своей машины. Дили пришлет к вам кого-нибудь, как только вернется его грузовик.

С этими словами владелец кинотеатра подошел к двери и взялся одной рукой за ручку, всем своим видом давая понять, что сделал все, что мог, а остальное его не касается. Рэчел все в нем было ненавистно: его отчужденность, его равнодушие, а больше всего – его мужское тело, которое давало ему силы для выживания, те самые силы, которых была лишена она сама.

Резким движением она схватила со стойки сэндвич и пакет с чипсами и решительно взяла Эдварда за руку.

– Спасибо за ленч, Боннер, – процедила она и прошла мимо мужчины, не удостоив его взглядом.

Она так быстро шла к шоссе по посыпанной гравием тропинке, что Эдвард вынужден был бежать трусцой, чтобы не отстать. Взяв сына за руку, Рэчел перешла дорогу и снова

уселась на землю под конским каштаном, борясь с отчаянием: она все еще не собиралась сдаваться.

Не успели они расположиться в тени, как черный пыльный пикап, за рулем которого сидел Габриэль Боннер, вырулил на шоссе и исчез вдаль. Развернув сэндвич, Рэчел осмотрела его. Он был с грудкой индейки и швейцарским сыром и обильно смазан горчицей. Рэчел, зная, что Эдвард ее терпеть не может, удалила, насколько это было возможно, жгучую кашлицу, после чего протянула сэндвич сыну. Поколебавшись лишь самую малость, мальчик принялся за еду.

Еще до того как Эдвард успел покончить с сэндвичем, появился грузовик-буксировщик, из его кабины вылез коренастый подросток. Оставив Эдварда под деревом, Рэчел перешла дорогу, помахав парню рукой в знак приветствия.

– Знаете, – сказала она, подходя, – тут выяснилось, что меня не надо никуда тащить. Мне нужно только, чтобы вы меня немного подтолкнули. Гейб хочет, чтобы я поставила машину вон там, за теми деревьями.

С этими словами Рэчел указала на небольшую рощицу неподалеку от того места, где сидел Эдвард. Ее слова, судя по всему, вызвали у подростка какие-то смутные сомнения, однако он явно не отличался сообразительностью, и ей не составило труда уговорить его помочь. Когда он уехал, «шевроле-импала» был спрятан так, что его не было видно.

Рэчел сделала все, что могла. Машина нужна была им с сыном для того, чтобы в ней ночевать, а это было бы невозможно, если бы ее отбуксировали в мастерскую или на свалку. Тот факт, что ее автомобиль окончательно вышел из строя, со всей возможной остротой ставил перед Рэчел вопрос о работе. Но как убедить Гейба Боннера нанять ее? Ей пришлось в голову, что в разговоре со столь холодным и равнодушным человеком наилучшим козырем, возможно, являются не слова, а дела и конкретные результаты.

Вернувшись к Эдварду, она, потянув мальчика за руку, поставила его на ноги.

– Захвати-ка с собой пакет с чипсами, партнер. Мы возвращаемся в кинотеатр, мне пора браться за работу.

– А что, тебя наняли?

– Я бы сказала несколько иначе – меня взяли с испытательным сроком, – ответила Рэчел, ведя сына к шоссе.

– А что это значит?

– Это значит, что мне надо показать, на что я способна. А пока я буду работать, ты можешь доест свой завтрак на игровой площадке, везунчик.

– Ты тоже поешь вместе со мной.

– Я пока не проголодалась, – сказала Рэчел, и при этом почти не покривила душой. Она так давно нормально не ела, что чувство голода у нее притупилось.

Усаживая Эдварда верхом на бетонную черепаху, она осмотрелась. Надо было сделать нечто такое, что сразу бросалось бы в глаза, но в то же время не требовало бы специальных инструментов. Пожалуй, лучше всего выполоть как можно больше сорняков. Она решила начать с центра площадки.

Рэчел приступила к работе. Солнце палило нещадно, длинное голубое платье мешало двигаться, а пыль, просачиваясь между ремешками сандалий, быстро покрыла ее ноги бурым налетом, отдаленно напоминающим загар. Большой палец, натертый ремешком сандалии, начал кровоточить.

Рэчел пожалела, что не надела джинсы. У нее осталась одна пара, они были старые и потертые, с большой дырой на колене и с еще одной, поменьше, сзади.

Вскоре платье насквозь промокло от пота. Влажные волосы неряшливыми прядями мотались у щек и шеи. Рэчел уколола палец о чертополох, но не могла даже пососать ранку, такие у нее были грязные руки.

Когда рядом с ней скопилась порядочная куча вырванных из земли сорняков, она взяла ее в охапку и выбросила в контейнер, который затем отволокла к мусоросборнику, располагавшемуся позади закуской. Вернувшись оттуда, она с мрачной решимостью снова занялась прополкой. «Гордость Каролины» была ее последней надеждой, и она должна была продемонстрировать Боннеру, что может работать лучше, чем целая дюжина мужчин.

По мере того как солнце взбиралось к зениту, зной становился все сильнее. У Рэчел начала кружиться голова, но она, стараясь не обращать на это внимания, продолжала выдергивать сорняки в том же темпе. Она отнесла к мусоросборнику еще одну охапку растений и опять принялась за дело.

В какой-то момент она вдруг заметила, что Эдвард, помогая ей, тоже принялся выдергивать из земли сорняки, и еще раз пожалела, что не уступила требованиям Клайда Роша. Голову ее жгло, словно огнем, она нуждалась в отдыхе, но у нее не было времени на то, чтобы отдохнуть.

Наконец, когда она наклонилась в очередной раз, у нее перед глазами взорвался рой серебряных мушек, а земля закачалась под ногами. Она попыталась сохранить равновесие, но силы изменили ей. Голова у Рэчел страшно закружилась, и она погрузилась в чернильную темноту.

Когда Гейб Боннер вернулся к своему кинотеатру, он увидел уже знакомого ему мальчика, который сидел рядом с распростертым на земле неподвижным телом матери.

Глава 2

– Очнитесь!..

Рэчел почувствовала у себя на лице что-то мокрое и открыла глаза, но тут же зажмурилась снова: в зрачки ударили ослепительные лучи.

– Эдвард! – воскликнула она, испуганно моргая.

– Мама!

Тут она все вспомнила: и вышедший из строя «шевроле», и придорожный кинотеатр. Щурясь от бьющего ей прямо в лицо света, она пыталась разглядеть хоть что-нибудь, пока наконец до нее не дошло, что источником этих лучей является некое светящееся украшение, призванное сделать более привлекательной для будущих посетителей закусочную кинотеатра. Слегка пошевелившись, она поняла, что лежит на бетонном полу. Рядом с ней стоял, опустившись на колени, Гейб Боннер. По другую сторону от себя она увидела Эдварда, чье лицо было искажено тревогой и страхом.

– Прости меня, сынок, – сказала Рэчел, обращаясь к сыну, и сделала усилие, пытаясь сесть. В животе у нее тут же появилось неприятное тянущее ощущение, и она поняла, что ее сейчас вырвет.

Боннер поднес к ее губам пластиковый стаканчик, и в горло Рэчел полилась тонкая струйка. Борясь с приступом тошноты, она пыталась отвернуться, но Боннер не давал ей этого сделать. Жидкость пролилась на подбородок и потекла у нее по шее.

Сделав еще одно усилие, Рэчел наконец приняла сидячее положение и дрожащими руками попыталась забрать у Боннера пластиковую крышку-стаканчик термоса, из которого он ее поил. Как только пальцы их соприкоснулись, он тут же выпустил крышку и отдернул руку.

– Когда вы в последний раз ели? – спросил он без особого интереса и поднялся на ноги.

Еще несколько глотков, два-три глубоких вдоха и выдоха, и сознание Рэчел прояснилось настолько, что она смогла придумать достойный ответ:

– Вчера вечером я откушала седла дикой козы.

Не говоря больше ни слова, Боннер сунул ей в руку шоколадное пирожное с колечком белого крема посередине. Рэчел откусила от него кусочек и тут же протянула пирожное Эдварду со словами:

– Доешь его, дорогой. Я не голодна.

– А ну-ка давайте съешьте его сами, – коротко и повелительно бросил Боннер. Его слова прозвучали как приказ, которого невозможно было послушаться. Рэчел хотелось запустить пирожным ему в физиономию, но на это у нее не было сил.

– Это будет мне уроком, – заметила она, прожевывая очередной кусок. – Не следует танцевать всю ночь до упаду. Должно быть, это последнее танго меня доконало.

По глазам Боннера она поняла, что он не верит ни одному ее слову.

– Почему вы до сих пор здесь? – спросил он.

Рэчел было неприятно, что он стоит, нависая над ней, словно скала, и она, сделав героическое усилие, тоже поднялась на ноги. При этом она отметила, что ноги ее не очень-то слушаются, и, едва успев встать, тут же опустилась на забрызганный краской складной металлический стул.

– А вы не заметили... сколько я всего переделала прежде... чем потерять сознание? – спросила она.

– Заметил. Но я уже сказал, что не собираюсь вас нанимать.

– Но я хочу здесь работать.